

Выпуск 3 (35)

2022

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ
ЖУРНАЛ

НАУКА. ИСКУССТВО. КУЛЬТУРА

Учредитель:

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный институт искусств и культуры» (БГИИК)

Издатель:

БГИИК

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-82490 от 23 декабря 2021 г.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (Россия), а также представлен в научной электронной библиотеке КиберЛенинка

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П.,

доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России (БГИИК, г. Белгород)

Зам. главного редактора

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ», г. Белгород)

Ответственный редактор

Римская О.Н.,

кандидат философских наук, доцент (БГИИК, г. Белгород)

Члены редколлегии

Бауринг Билл, доктор философии, профессор права (Школа права Беркбек, Лондонский университет, Великобритания)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ», г. Белгород)

Боянич Петар, доктор философии, профессор (Институт философии и социальной теории Белградского университета, Сербия)

Браун Эндрю, доктор философии, профессор экономики и политической экономики (Школа бизнеса, Лидский университет, Великобритания)

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор (БГИИК, г. Белгород)

Варава В.В., доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России (г. Москва)

Грищенко В.П., доктор философских наук, профессор (г. Краснодар)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Аксиология и границы идентичности городской среды: культурно-антропологическая перспектива. **Н.О. Анисимов, В.Г. Туркина, Г.Н. Калинина 5**

Россия и русский мир (культурологический аспект). **А.И. Дронов 14**

Эстетика в цифровую эпоху: вкус и алгоритм. **К.И. Песоцкая 25**

Способы и приёмы колористической организации архитектурной среды. **О.М. Шенцова, И.В. Беседина 43**

Неомавританский стиль в архитектуре большой Ялты начала XX века. **Е.С. Шинтяпина 54**

ФИЛОСОФИЯ

Эвристичность концепции протоформ мышления Д.А. Жданова. **В.Ю. Даренский 65**

Л.Н. Толстой об Америке. **С.М. Климова 77**

Поколения, спонтанность и социальные риски (постановка проблемы). **Т.П. Матяш 92**

Демокрит и Платон: у истоков классической античной философии. **В.П. Римский, О.Н. Римская 107**

Особенности понимания исторического процесса в философии Отмара Шпанна. **С.И. Сулимов, Р.А. Черенков 122**

Время как результат медиации вещи и человека. **Е.А. Цуканов 131**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Теософия Владимира Соловьёва как высший синтез религиозного, философского и научного знания. **Р.Ю. Аторин 139**

Уникальный православный уклад жизни и влияние на него дихотомии «Запад-Восток» в сфере русской культуры. **В.В. Лыткин, Д.Ю. Дерюгина 153**

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Эффективное использование интерактивных форм и методов на занятиях по русскому языку как иностранному. **Ю.В. Лебедева, Е.В. Сафина, О.А. Жерлицына 161**

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Система образования как инструмент: вот только чей? **И.В. Федяй 168**

Грякалов А.А., доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России (г. Санкт-Петербург)

Даренский В.Ю., доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России (г. Луганск, Украина)

Джонс Питер, доктор философии (Шеффилдский университет Хэллэм, Великобритания)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Ростов-на-Дону)

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор (БГИИК, г. Белгород)

Игнатова И.Б., доктор педагогических наук, профессор (БГТУ им. В.Г. Шухова, г. Белгород)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор (НИУ «БелГУ», г. Белгород)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, доцент, (БГИИК, г. Белгород)

Киреев М.Н., доктор философских наук, доцент (БГИИК, г. Белгород)

Коваленко В.И., доктор педагогических наук, профессор (БГИИК, г. Белгород)

Курганский С.И., доктор педагогических наук, профессор (БГИИК, г. Белгород)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Ракич Зоран, доктор искусствоведения, профессор (Академия музыки, Босния и Герцеговина)

Туравец Н.Р., доктор педагогических наук, профессор (БГИИК, г. Белгород)

Цыпин Г.М., доктор педагогических наук, профессор (г. Москва)

Юбара Аннет, доктор философии (Университет Гуттенберга, г. Майнц, Германия)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, член-корр. РАО (Чеченская республика, г. Грозный)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *О.Н. Римская*

Подписано в печать 27.09.2022.
Дата выхода 30.09.2022.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Times New Roman, Sylfaen
Усл. п. л. 10,81

Адрес редакции, издателя: 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7
e-mail: journal@bgiik.ru
тел.: 8(4722) 54-23-50

РЕЦЕНЗИИ

Долгая дорога в Бенсалем. Триумф и трагедия Фрэнсиса Бэкона.
А.А. Трунов 177

Сведения об авторах 184
Информация для авторов 186

Volume 3 (35)

2022

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED
JOURNAL

SCIENCE. ARTS. CULTURE

Founder:

State Budgetary Educational Institution
«Belgorod State Institute of Arts
and Culture»
(BSIAC)

Publisher:

BSIAC

The magazine is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass
Communications

Certificate of registration for Media ЭЛ № ФС
77-82490 from the 23th December 2021

The Journal is included both in the Russian
Science Citation Index (Russia), as well as in
the scientific electronic library CyberLeninka

**EDITORIALBOARD
OF THE JOURNAL**

Chief Editor

V.P. Rimskiy,
Doctor of Philosophy, professor, member of the
Union of writers of Russia
(BSIAC, Belgorod)

Deputy chief editor

A.D. Maidansky, Doctor of Philosophy, professor
(NRU BSU, Belgorod)

Executive editor

O.N. Rimskaya,
Candidate of Philosophy, docent (BSIAC,
Belgorod)

Members of the editorial board

Bowring, Bill, Doctor of Philosophy, Professor of
Law School of Law Birkbeck (University of
London, Great Britain)

S.N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor,
Director of the Institute of Social Sciences and
Mass Communications (NRU BSU, Belgorod)

Boyanich, Petar, Doctor of Philosophy, professor
(Institute of philosophy and social theory of the
Belgrad university, Serbia)

Brown, Andrew, Doctor of Philosophy, Professor
of Economics and Political Economy (Leeds
University Business School, Great Britain)

O.B. Buksikova, Doctor of Arts, professor
(BSIAC, Belgorod)

V.V. Varava, Doctor of Philosophy, professor,
member of the Union of writers of Russia (Moscow)

V.P. Gritsenko, Doctor of Philosophy, professor
(Krasnodar)

TABLE OF CONTENTS

CULTUROLOGY AND ART OF CRITICISM

Axiology and boundaries of urban environment identity: cultural and anthropological perspective. *N.O. Anisimov, V.G. Turkina, G.N. Kalinina* 5

Russia and the russian world (culturological aspect). *A.I. Dronov* 14

Aesthetics in the digital age: taste and algorithm. *K.I. Pesotskaya* 25

Methods and techniques of coloristic organization of the architectural environment. *O.M. Shentsova, I.V. Besedina* 43

Neo-moorish style in the architecture of greater Yalta of the beginning of the XX century. *E.S. Shyntyapina* 54

PHILOSOPHY

Heuristics of the concept of proto-forms of thinking by D.A. Zhdanov. *V.I. Darenskiy* 65

L.N. Tolstoy about America. *S.M. Klimova* 77

Generations, spontaneity and social risks (problem statement). *T.P. Matyash* 92

Democritus and Plato: at the origin of classical antique philosophy. *V.P. Rimsky, O.N. Rimskaya* 107

Features of understanding the historical process in the philosophy of Othmar Spann. *S.I. Sulimov, R.A. Cherenkov* 122

Time as a result of mediation of the thing and the person. *E.A. Tsukanov* 131

RELIGIOUS STUDIES

Vladimir Solovyov's theosophy as the highest synthesis of religious, philosophical and scientific knowledge. *R.Y. Atorin* 139

The unique orthodox way of life and the influence of the «West-East» dichotomy on it in the sphere of russian culture. *V.V. Lytkin, D.Y. Deryugina* 153

**THEORY AND METHODOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION
IN THE SPHERE OF CULTURE AND ARTS**

Effective use of interactive forms and methods in classes of russian as a foreign language. *U.V. Lebedeva, E.V. Safina, O.A. Zherlitsyna* 161

SOCIAL SCIENCES AND HIMANTITIES

The education system as a tool: but whose is it? *I.V. Fedei* 168

A.A. Gryakalov, Doctor of Philosophy, professor, member of the Union of writers of Russia (St. Petersburg)

V.Yu. Darensky, Doctor of Philosophy, professor, member of the Union of writers of Russia (Lugansk, Ukraine)

Jones, Peter, Doctor of Philosophy (Sheffield Hallam University, Great Britain)

G.V. Drach, Doctor of Philosophy, professor, Honoured Science Worker of Russian Federation (Rostov-on-Don)

M.S. Zhirov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (BSIAC, Belgorod)

I.B. Ignatova, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (BSTU named after V.G. Shukhov, Belgorod)

I.F. Isaev, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (NRU BSU, Belgorod)

G.N. Kalinina, Doctor of Philosophy, docent (BSIAC, Belgorod)

M.N. Kireev, Doctor of Philosophy, docent (BSIAC, Belgorod)

V.I. Kovalenko, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (BSIAC, Belgorod)

S.I. Kurganskiy, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (BSIAC, Belgorod)

E.V. Mareeva, Doctor of Philosophy, professor (Moscow)

Rakich, Zoran, Doctor of Art Criticism, professor (Academy of Music, Bosnia and Herzegovina)

N.R. Turavets, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (BSIAC, Belgorod)

G.M. Tsypin, Doctor of Pedagogical Sciences, professor (Moscow)

Jubara, Annett, Doctor of Philosophy, Johannes Gutenberg University (Mainz, Germany)

N.U. Yarychev, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, member of the Union of writers of Russia, Honored Scientist of the Chechen Republic, Corresponding Member of RAO (Chechen Republic, Grozny)

Articles are presented in author's edition.

Layout *O.N. Rims kaya*

Singed to print 27.09.2022
Date of an exit 30.09.2022
Size 60×84/8
Font Times New Roman, Sylfaen
Cond. p.p. 10,81

Address of the editorial office, of publishing house:
308033, Belgorod, Koroleva, 7
e-mail: journal@bgiik.ru
tel.: 8(4722) 54-23-50

REVIEWS

The long road to Bensalem. The triumph and tragedy of Francis Bacon.

A.A. Trunov 177

Information about the authors 184

Information for the authors 186

Л.Н. ТОЛСТОЙ ОБ АМЕРИКЕ¹

С.М. Климова

НИУ «ВШЭ», г. Москва
e-mail: sklimova@hse.ru

В статье представлен образ Америки в русской литературе и критике XIX – начала XX века. В центре внимания – позиция Толстого, резко отличающаяся от клишированного образа врага, характерного для русской традиционной бинарной оптики. Он широко использует метод сцепления, объединяя реальность и ее образ, художественный принцип и саму жизнь в единое целостное видение. В статье показано развитие связей Толстого с американской публикой, процесс их взаимного признания. Именно эти контакты позволяют уточнить анархистскую позицию Толстого как практическое христианство, свойственное и американским гуманистам. Толстой и многие прогрессисты в Америке мыслили конгениально; Гаррисон, Торо, Баллу и другие воплощали идеальное видение жизни, близкое к толстовскому. Это было не насильственное и автоматическое включение всех в государство, а добровольные и свободные союзы ради духовного общения и практического служения Богу и миру. В статье уделяется особое внимание американским коммунам и содружествам, привлекавшим внимание Толстого.

Ключевые слова: Лев Толстой, американские прогрессивные мыслители, оппозиционное мышление, коммуны.

*Толстой был бы великим в любой стране.
Даже в свободной Америке со своей проповедью
правды он возвышается над всеми гигантами
[1, с. 79].*

I

В 1978 году в Советском Союзе широко праздновалось 150-летие со дня рождения Л.Н. Толстого. В журнале «Иностранная литература» в рубрике «Толстой беседует с Америкой» была дана подборка четырех встреч американских прогрессивных деятелей с писателем. Современный читатель, с одной стороны, втягивается в советский дискурс о «них» и о «нас», знакомится с идеологически-«правильной» расстановкой акцентов. Все это делается с помощью Толстого, ругающего их псевдодемократию,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100) <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>.

парламент, хищнический капитализм. С другой стороны, с удивлением воспринимаются оценки некоторых американских деятелей, которые наивно считали русского писателя отсталым мыслителем, например, по сравнению, с их передовым образом жизни. «Толстой, похоже больше, чем кто-либо другой нуждался в расширении кругозора и плодотворном видоизменении взглядов... Потребность в таком обогащении тем более велика, что в самой России обсуждение подлинно важных вопросов невозможно. ...его воззрения развивались в отрыве от обогащающего влияния взаимного рационального обмена мыслями с другими людьми» [2, с. 226].¹

Автор заявления – Эндрю Уайт – с 1892 по 1894 год был американским посланником в России и четырежды беседовал с Толстым. Считать, что Толстой мыслит в отрыве или вне «контекста», скорее всего, означает слабое знание его мировоззрения и образа жизни. Толстой имел огромное количество корреспондентов по всему миру, обладал титаническими знаниями и огромным кругозором. Он был и остается серьезным политическим оппонентом и критиком не только имперского государства дореволюционной России, но, потенциально, и страны Советов конца 70-х годов XX века. Весьма характерно звучат, например его слова, обращенные к другому американскому визави: «Вы пытались развивать народ в целом, скопом, почему бы теперь вам не попробовать развивать отдельную личность? Государство не может быть более сильным, чем самое слабое его звено. Прежде чем укреплять государство, вы должны укрепить его самое слабое звено. И если вы сделаете это, то, может быть, отпадет и надобность в самом государстве» [2, с. 240].

Это требование для Толстого универсально и с одинаковой убедительностью может быть обращено и к его, и к нашим современникам по обе стороны океана.

II

Напомним, что образ Америки широко обсуждается в русской литературе и критике, начиная с конца XVIII века. Интерес к стране обострился в начале 1860-х. В это время и в России, и в США шли схожие политические процессы. В 1861–1865 гг. шла война между Севером и Югом, борьба за освобождение чернокожего населения от

¹ Впервые опубликована в журнале «Айдлер». №. 7. С. 479-486.

рабства. Это событие автоматически связывалось в русском сознании с долгожданной отменой крепостного права в 1861 году и началом возможных демократических перемен.

Соответственно, русских воодушевляла не только история, но и американская прогрессивная литература. Вспомним знаменитую «Хижину Дяди Тома» Г. Бичер-Стоу (1852 год издания), находившуюся под запретом в России в период правления Николая I. Эта книга имела огромный успех в мире и была переведена на 37 языков, а Авраам Линкольн даже связал ее публикацию с Гражданской войной в Америке. Важным аспектом произведения был, подмеченный еще Токвилем религиозный аспект критики рабства. Как заметил Паррингтон [3. Т. II, с. 438], – этот «роман, окрашенный в глубоко религиозные тона, подкреплял довод аболиционистов о том, что рабство – это торговля душами христиан».

Русская интеллигенция имела возможность первоначально познакомиться с романом, опять-таки, благодаря европейским изданиям. Толстой, например, прочел ее в немецком переводе в 1854 году, находясь на военной службе в Севастополе. В 1857 году вышел и первый русский перевод книги. В 1858 году был снят цензурный запрет на книгу, и с этого времени она оказалась в фокусе русской критики и прессы. Писатель высоко оценил духовный пафос произведения. В 1862 году в приложении к журналу «Ясная Поляна» появился даже вольный пересказ этого романа, сделанный М.Ф. Бутовичем, под характерным названием «Дядя Том, или Как живут негры-невольники в России». Позже, в трактате «Что такое искусство» (1897–1898) Толстой поставит «Хижину дяди Тома» по значимости рядом с «Записками из мертвого дома» Достоевского и сочинениями Диккенса, «настолько моральное чувство писательницы в этом романе является искренним и достоверным, а само произведение проникнуто христианским миролюбием» [4, с. 52].

Однако литературный романтизм вскоре иссяк в русской прессе. Для многих русских писателей Америка стала очередным мировоззренческим бинарным конструктом. Позитивная Америка ярче всего в те годы представлена в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Как известно, один из главных героев романа, Лопухов вернулся «оттуда» – из Америки – новым человеком и это в романе приравнивается к Христовому Воскресению – Пасхе. Вера Павловна,

узнав Лопухова в американском предпринимателе Чарлзе Бьюмонте, произносит: «Ныне Пасха, Саша; говори же Катеньке: воистину воскресе» [5, с. 104]. Это воскресение у Чернышевского переплетается с утопической конструкцией счастливого мира Америки – райского локуса спасения и будущей социальной гармонии.

У Достоевского – все наоборот. Америка – это тоже не географическая точка на карте мира, не политическая система, не мир культуры, не пример Другого образа жизни и поведения. Реальной Америки у него, как будто, нет и вовсе. Это – мифо-образ «чужого», сказочная страна «о том свете»; выдуманная головная идея о «свободном труде в свободном государстве» и о коммуне и об общеевропейском человеке [6. Т. XXI, с. 135].

Толстой – антипод Достоевского в обсуждении американской темы. Несмотря на то, что ни он, ни Достоевский никогда не были в Америке и оба были яркими христианскими писателями, смотрели они на нее совершенно разными глазами. Достоевский всегда остается писателем-идеологом (М.М. Бахтин), даже если окунается в сиюминутную публицистику и политическую злободневность; Толстой – это, прежде всего, религиозный и политический мыслитель, имманентно связанный с художественным творчеством.

III

Всесторонний анализ темы влияния и взаимосвязи Толстого и прогрессивных деятелей США был дан в книге Г.В. Алексеевой [4], крупнейшего специалиста в этой области. Она собрала и обобщила работы Г.В. Аникина, Г.Я. Галаган, Н.К. Гудзий, Т.Л. Морозовой, А.Н. Николюкина, Э.Ф. Осиповой и многих других. В ее книге проанализированы все известные на сегодня источники о контактах Толстого с американскими корреспондентами, представлены уникальные материалы российских и американских архивов.

Американская художественная литература и публицистика стали толчком к углублённому изучению Толстым страны, ее религии и мировоззрения. Он познакомился с Америкой раньше, чем она с ним. Все началось с «франклинова журнала» и продолжалось до конца жизни. Еще в 50-е годы он стал изучать книги Р.У. Эмерсона, труды проповедника Т. Паркера, У.Л. Гаррисона. Назвать пресечение их идей случайностью невозможно. Уж слишком много общего было между ними. «Смелость

“громовержца” в обличии казенной церкви и самодержавного государства, как и тяга к усовершенствованию личного духовного бытия, создание особой, лишенной культовых скреп веры, религии, любви и добра, – все это сближало русского писателя с американскими либералами и “трансценденталистами” XIX столетия» [7, с. 222].

Читающая Америка заинтересовалась Толстым ближе ко второй половине XIX века, причем, прежде всего, его религиозно-политическими трактатами, а уж потом – художественным творчеством. Это вполне закономерно, так как публицистика Толстого проникла за океан раньше его романов. Уильям Ньютон, религиозный писатель и пастор епископальной церкви, лично знавший Толстого, например, пишет: «Как бы не были значительны художественные произведения Толстого, его религиозные сочинения еще гениальнее» [8, с. 90].

Если Толстой искал в американской литературе подтверждения и поддержку своим идеям, то американские деятели, в свою очередь, видели в нем духовного лидера, образец саморазвития, ‘гражданина’ и совесть мира.

Начиная с середины 1880-х и до конца жизни, его контакты с американцами не прекращались; его голос становился все значимее для них. Эдуард Гарнетт собирался поместить предисловие Толстого к собственной статье о толстовском романе «Воскресение» в «Harper’s Magazine»; в этой связи он попросил писателя обратиться к американскому народу и высказаться о природе лицемерия. 21 июня 1900 года Толстой ответил следующее: «если бы мне пришлось обратиться к американскому народу, то я постарался бы выразить ему мою благодарность за ту большую помощь, которую я получил от его писателей, процветавших в пятидесятых годах. Я бы упомянул Гарисона, Паркера, Эмерсона, Балу и Торо, не как самых великих, но как тех, которые, я думаю, особенно повлияли на меня. Среди других имен назову: Чанинга, Уитиера, Лоуела, Уота Уитмена – блестящую плеяду, подобную которой редко можно найти во всемирной литературе. И мне хотелось бы спросить американский народ, почему он не обращает больше внимания на эти голоса (которых вряд ли можно заменить голосами Гульда, Рокфеллера и Карнеджи), и почему он не продолжает того хорошего дела, которое столь успешно ими начато» [9. Т. LXXII, с. 397].

Близость к американским гуманистам и правозащитникам была отнюдь не случайной. Толстой был оппозиционным мыслителем, близким к идеологии христианского анархизма, духовным лидером русской нации в поисках личностной свободы, в том числе, от всех форм угнетения со стороны государства и его репрессивных институтов. Ему органически претило насилие во всех его проявлениях; тем более, если оно касалось классовых, национальных, религиозных или расовых предрассудков. Поэтому он и стал страстным поклонником творчества У.Э. Чаннинга, У.Л. Гаррисона, и других правозащитников, и аболиционистов. Христианско-анархические идеи Гаррисона, Баллу, Торо и Толстого удивительно схожи, о чем сам Толстой неоднократно напоминал: «...закон непротивления, к которому я был неизбежно приведен... еще в сороковых годах не только признан и провозглашён Гаррисоном (о Баллу я узнал позже), но и поставлен им в основу его практической детальности освобождения рабов» [9. Т. XXXVI, с. 95].

Гаррисон действительно делал больший упор на христианскую практику жизни, чем на политическую теорию сопротивления. Он был основателем «Американского общества борьбы с рабством», секретарем «Общества непротивления» в Новой Англии (1838–1848), редактором знаменитого издания «Liberator» и журнала «Non-resistance». Еще в 30-е годы, задолго до Толстого, он открыл *формулу* непротивления злу насилием, объявив ее единственным способом борьбы и с личным злом, и с всеобщим насилием.

Толстой, как известно, поместил тексты Гаррисона («Декларацию чувств») и Э. Баллу («Катехизис непротивления») в свой трактат «Царство божие внутри вас» и в «Круг чтения». Примечательно, что этот трактат, который был запрещен в России, впервые в английском переводе был опубликован именно в США в 1894 году.

Схожи Гаррисон и Толстой и своей бескомпромиссностью. Они оба не шли на сделки с властями, призывая слушать лишь голос совести; оба верили в наступление царства божьего на земле, не отягощённого никакими внешними насильственными формами и обрядовыми атрибутами. Но идеал царства божьего на земле для Толстого, скорее лишь фигуральное выражение, а для Гаррисона – реальная программа всех социальных преобразований. При этом отношение к власти – основа не только близости, но и расхождения между Толстым и его

американскими единомышленниками. На это указал сын Гаррисона: «Выше всего ставя справедливость, он отказывается видеть социальное возрождение в перемене форм правления» [10, с. 25].

В этом вопросе Толстой был непримиримым этическим ригористом. Если для него государство – лишь тип узаконенного насилия, и он не шел на компромиссы и не признавал ни один из его типов правления, то, например, для Э. Баллу – американского священника, всю жизнь посвятившего проповеди непротавления злу, мир вокруг нас – государство, его институты необходимы: «все это реальность, которую мы не можем игнорировать как фикцию... Отсутствие правительства, организаций, чистый индивидуализм, все это – не истинное христианство. Это невозможно, неестественно, иррационально. Это – хаос» [4, с. 72].

Чрезвычайно близок был Толстому и Г.Д. Торо – американский писатель-трансценденталист, провозглашавший приоритет нравственного начала над социальным. При этом его призыв не поддерживать насилие власти, благодаря идеологии пассивного сопротивления, отраженный в работе «Civil Disobedience», не помешал ему активно помогать чернокожим, укрывая их от работодателей и выступать против произвола системы в своих оппозиционных акциях протеста. То есть Торо выступал не только за пассивное, но и активное сопротивление властям, реализуя на практике идеалы христианской этики. Толстой также не был в своей критике государства и его институтов отстранён от жизни. Известно, что он даже принял у себя в Ясной Поляне в 1903 году кандидата в президенты США от демократов – У.Д. Брайна¹, проигравшего выборы Т. Рузвельту. Но, конечно, не по этой политической причине. В январе 1904 года Толстой в письме к Брайну пишет: «От всего сердца желаю вам успеха в ваших попытках уничтожить тресты и помочь трудовому народу пользоваться всеми плодами своего труда; но я думаю, что это не самое главное дело вашей жизни. Самое важное – это знать волю бога, то есть знать, что он желает, чтобы мы делали для исполнения ее. Думаю, что вы это делаете, и именно в этом желаю вам наибольшего успеха» [9. Т. LXXV, с. 17].

¹ Вильям Дженнингс Брайан (1860–1925) – американский политический деятель, член Демократической партии. Посетил Толстого в Ясной Поляне в начале декабря 1903 г. Под впечатлением своего пребывания в Ясной Поляне Брайан написал о Толстом статью «The apostle of love» («Апостол любви»). – примечание к письму в LXXV томе.

Этот текст демонстрирует сердечную вовлеченность Толстого в события современной жизни и одновременно указывает на обязательную внутреннюю религиозную доминату отчуждения, вне которой все внешнее – бессмысленно или даже вредно.

Христианский анархизм Толстого был близок философскому анархизму Торо. Их идеалы были основаны на одной общей посылке – признании свободы даром Бога и природы, а не продуктом социальных или культурных отношений. Толстой, который, несмотря на не прекращающиеся и сегодня обвинения в разжигании революционного пожара 1917 года, всегда был противником политических акций, связанных с любым проявлением насилия. Тем не менее, он не был пассивным созерцателем зла и абстрактным проповедником ненасилия и неучастия во зле. Он не мог молчать, несмотря на собственную установку жить внутренней жизнью и исполнять волю Бога. Например, он не мог пассивно пройти мимо телесных наказаний в армии, нещадной эксплуатации рабочих в городах, нищеты и классового неравенства. Известно, что он активно помогал, вместе с плеядой единомышленников и родственников, сотням, если не тысячам, остро нуждавшихся крестьян в центральной России в 1890-е годы в период страшного голода. Эти, и многие другие примеры, наглядно доказывают, что идея практического христианства не может быть лишь головной и существовать вне ее практического преломления. Жить по заповедям Христа – не утопия. Но именно поэтому она, так или иначе, выливается в обдумывание и попытки соединения людей – в альтернативные государству формы объединения и общежития.

IV

Одной из доминантных тем, связанных с Америкой, начиная с 60-х годов в России, стала тема коммун и других форм негосударственного соединения людей. Движения религиозных общин¹ в первой половине XIX века были очень схожи с идеалами Толстого по возрождению практического христианства – жизни по образу и подобию первых христиан и реализации заповедей божьих в практическом служении его воле. Он живо интересовался такими американскими общинами, как квакеры, шейкеры, сциентисты, универсалисты и многими другими, близкими ему по духу.

¹ Подр. об истории религиозных общин см. [10, с. 206–226; 11].

Толстому и его американским соратникам был важен поиск новых, альтернативных способов совместной жизни, основанный на идеалах христианства и деонтологической этики. Им всем была свойственна вера в возможность ненасильственной – духовной победы над государством, объявленного лишь временной формой устройства жизни, а также вера в появление альтернативных негосударственных способов жизни. «Политического изменения социального строя не может быть. Изменение только одно нравственное, внутреннее человека. Но каким путем пойдёт это изменение? Никто не может знать для всех, для себя мы все знаем» [9. Т. L, с. 41–42].

Такой подход позволяет рассматривать анархизм Толстого не как политическую, но скорее, как экзистенциальную оппозицию государству ряда сообществ, субкультур и даже малых народов в России в то время. Они сформировались внутри государственной системы, но были ей оппозиционны духовно-практически. Несмотря на то, что внешне они существовали по законам самой системы (работал принцип непротивления злу), внутренне, насколько это было возможно, люди в этих сообществах жили по законам религиозной и этической практики любви, братства, дружбы. Например, таково было крестьянское (народное) жизнеустройство, такова была организация жизни духоборов, на этом был основан быт угнетенных малых народов Кавказа. Подобным образом у Толстого представлен и солдатский и офицерские «миры войны», основанные на чувстве братства – особого духовного родства¹; показана особая жизнь политзаключенных на каторгах, в тюрьмах и т. д. Толстой демонстрирует жизнь угнетенных и отверженных религиозных, политических, национальных групп в пограничных локусах и вне институциональных форм. Если в государственной системе все устроено на противопоставлении своего и чужого, то в этих локусах люди живут по законам духовной борьбы не только за выживание, но и за сохранение своего достоинства. В этих пространствах проявляется новое не автоматизированное, не бюрократическое, не формально-религиозное, но «полемическое» (в смысле Хайдеггера) состояние жизни, понимаемое как борьба (зачастую бессознательная) униженных людей за человеческое

¹ Известная канадская исследовательница-толстовед Д.Т. Орвин, анализируя рассказ *Кавказский пленник*, высказывает очень близкую мысль: «Жилин принимает решение не возвращаться в Россию, остаться на службе... армия его истинный дом, а сослуживцы – его настоящая семья... для Жилина его товарищи-солдаты сделали семью, которая стала ему ближе родной» [12, с. 21].

достоинство в условиях внешних репрессий и угнетения. Эта жизнь противоположна как миру классической войны, военной или религиозной экспансии, так и традиционному миру фальши и культурных правил поведения «аристократического мира». Эти союзы и объединения можно назвать условно-анархичными или экзистенциально-свободными формами соединения людей. Всеми ими, сознательно или нет, но движут идеалы практической христианской жизни, основанной на любви и ненасилии.

В подобной полемической атмосфере оказываются не только сообщества угнетенных, но и вполне благополучные герои Толстого, которые не рвут с миром, не идут делать революции, не готовят и не посылают людей убивать себе подобных, но и не дезертируют из армии, не бегут от своей службы и не уклоняются от выполнения обязанностей, не игнорируют живую жизнь. Они открывают в самих себе, например, экзистенцию свободы, не отделяя себя аскетически от внешнего мира, но преодолевая его отчужденность духовно, в самих себе. Таков пример Пьера Безухова, который оказавшись в плену, вдруг осознал всю мощь и сущность своей свободы, поняв ее как бессмертие собственной души («Война и мир»), победив в этом открытии страх плена и смерти; таковы кавказцы – мужчины, женщины и даже дети, которые переживали парадоксальное чувство нравственной свободы («Хаджи Мурат») в момент зачистки их аулов, разорения домов имперскими войсками русской армии; такова, например, святая жизнь простой женщины Пашеньки, бессознательно свободной от всех условностей религиозных обрядов и внешнего долга в мире узаконенного церковью института правильной религиозной жизни и святости («Отец Сергей»). Такова Катюша Маслова, которая обрела чувство достоинства и духовного освобождения, казалось бы, полностью потерянного в мире общепринятых клише и культурных маркеров, оказавшись в тюрьме, а затем на каторге, куда отправилась искупать чужую пошлость и собственные грехи («Воскресение»).

Зачастую внутреннее освобождение героев Толстого происходит в моменты кризиса, в тупиковых ситуациях стесненных жизненных обстоятельств, в моменты физической несвободы или откровенного морального унижения. При этом состояние свободы или несвободы, ими обретаемое, не тождественно их материальному или социальному статусу,

уровню образования или культурного развития. «Метанойя»¹ духа происходит через непротивление злу: «надо сначала уступить всё то, что мы можем сдать, и оставить только то, что не сдается» [9. Т. LXIX, с. 132]. Человеческое достоинство – вот то единственное и главное начало человека, которое нельзя никому отдавать. Достоинство Толстой понимал по-кантиански: как следование моральному долгу и жизнь не по лжи, но по совести. С точки зрения Толстого этика Канта во многом совпадает с жизнью человека по Христовым заповедям.

Литературные миры и герои Толстого демонстрируют нам образцы «гражданской среды» и гражданского самосознания, основанного не на головных идеях, активной политической деятельности, но в повседневности, как практическая реализация жизни человека в Боге. Жизнь в Боге – это синоним жизни вообще, ее полемическое состояние, противоположное жесткой оппозиции, своих и чужих: войны и мира, классов, наций или религиозных вер. Только в такой жизни и проявляется истинная сущность человека.

Найти практическую реализацию подобных идей Толстому оказалось гораздо сложнее, чем их воплощение в художественных формах. Хотя он никогда открыто и не призывал к созданию утопических общин или альтернативных государству форм общежития, на манер американских, они появлялись независимо от его желания в самых разных уголках мира. Пробразом таких соединений стали толстовские общины, рассыпанные не только по России, но и на Западе. Сам Толстой к ним относился довольно прохладно, видя в них лишь слабую копию своего идеала. Он всегда незримо следует за главной Христовой заповедью о самоизменении как необходимым условием всеобщего изменения.

Многие годы Толстой искал реальную альтернативу государству, отождествляя его с абсолютным злом. Зло же в определении Толстого – это неглавное бытие – это разъединение и распад мира; следовательно, необходимо создать такое сообщество, в котором будет доминировать добро или осуществится подлинное объединение людей. В реальной практике нечто подобное он находил у русских духоборов, в крестьянской общине или в американских религиозных общинах. О последних он подробно пишет уже в трактате «Царство божие внутри

¹ Греческое слово «метанойя» Толстой перевел как глагол «одуматься», «одумайтесь».

вас». Там он, например, одобрительно рассуждает об обществе «Непротивления» в Бостоне, об общине Э. Баллу в Хоупдейле, которая просуществовала пятнадцать лет, собрав около 300 членов. В общине американский священник стремился реализовать практическое христианство в опыте новой жизни.

Идеи Толстого во многом созвучны американскими теориями гражданского неповиновения и личностных свобод. Их политические протесты и были яркими протестами людей, осознающих свою личную ответственность за насилие и подавление личности в государстве, прежде всего, перед собой, своей совестью. Торо, например, любил повторять, что лучше подвергнуться наказанию за неповиновение государству, чем подчиняться ему. Он сумел возбудить общественное мнение многих американцев, опираясь лишь на идею разумного сознания и следование его логике, как на самое мирное и действенное «оружие» человека. Это был наглядный пример победы идеализма, того, как сознание изменяет бытие практически, как идея может стать движущей силой истории. «Разумное сознание» было главным концептом и у Толстого.

В XX веке нечто подобное утверждала Х. Арендт, которая часто повторяла за Сократом, что лучше «несправедливо страдать, чем несправедливо поступать» [13, с. 110], призывая вернуться к идеалам греческих полисов – очагам непринудительной активности человека, всегда ответственного перед собой и другими. Ссылаясь на Т. Джефферсона, она отмечает: «человек является свободным только тогда, когда у него есть возможность действия. И представление, что само действие, а не только мышление, как Вы говорите (К. Шмид – *мое С.К.*), принадлежит к достоинству человека, что действовать можно лишь в свете публичности, и что об этом речь идет в революциях, которые начинали с провозглашения других свобод, т. е. свобод, гарантирующих отсутствие гнета» [14, с. 61].

Джефферсон был важным ориентиром и для Толстого. Но достоинство он все же определял скорее по-кантиански, чем в логике идей Х. Арендт, понимая под ним автономное следование внутреннему долгу при внешней подчиненности закону необходимости и бесчеловечной логике истории. При этом Толстой, опираясь на понятие свободы, как на главное основание внутренней автономности человека призывает не смиряться с системой как с фатальной необходимостью, а

разумно оппонировать ей как аппарату насилия – принуждению, которое для него и есть главный враг свободы. Для него важнейшей становится не категориальная пара: свобода-необходимость, а *свобода-насилие*. В толстовской терминологии это звучит как оппозиция внешнего – государственного насилия и внутреннего – христового ненасилия личности, которое и есть необходимость исполнения воли Бога. То, что для многих ненасилие или непротивление злу насилием воспринимается не в логике христианского, но политического анархизма – трагические последствия политического смещения фокуса просветительских проектов XVIII века с человека на государство и его институты в дальнейшем.

Именно толстовский этический принцип пассивного неучастия во зле стал оптической сменой фокуса в понимании природы и сущности государства в XX веке. Именно он оказался тем основанием, которое позволило многим людям, например, в пост-фашистской Германии ответственно осмыслить свою (не)причастность гитлеровскому режиму, опираясь не на насилие бюрократической системы, но на кантовскую деонтологию и на принцип сопротивления насилию ненасилием – активным неучастием во зле.

V

Американский контекст идей Толстого показывает невозможность вписать его имя в стандарты бинарного мировоззрения русской интеллектуальной мысли, в любую из его славянофильско-западнических разновидностей. Толстой всегда был вне подобных направлений и клише. Его духовная мысль перекликается с социально-гуманистическими и религиозными поисками и Востока, и Запада, и Америки. И вдохновлен он при этом не русским революционерством, политическим анархизмом или «русско-православным Христом» Достоевского. Гаррисон, Баллу, Торо, Эмерсон и другие, не были анархистами в политическом смысле. Анархизм был им, как и Толстому, чужд. В статье «К политическим деятелям» Толстой осуждает извечный анархизм двух борющихся сил в России: либералов и революционеров, не принимая ни тот, ни другой. Власть – всегда зло, как для тех, кто ею обладает, так и для тех, кто жаждет ею обладать, правомерно считал Толстой. Опыт сопротивления возможен не на пути захвата власти, но лишь как субъективная перестройка, которая начинается и заканчивается человеком «кантианско-христианского типа», для которого нет ни логических лазеек в логике самооправдания, ни социальных концепций меньшего или

большого зла, ни конформистских оправданий. Его жизнь лишь – в следовании долгу, опирающемся на нравственные принципы, которые невозможно разрушить, даже угрозой смерти. Такая субъективная теория мирного неповиновения (*civil disobedience*) – самая опасная и разрушительная для государственной системы, считал Толстой. Всякая другая активность разрушительна уже не для системы, а для самого человека и мира вокруг него.

Итак, христианско-анархическая позиция Толстого, которую корректнее отнести к типу практического христианства, исторически трансформировалась в опыт реального сопротивления в XX веке. Толстой стал примером для М. Ганди в Индии, М.Л. Кинга в США, для многочисленных групп толстовцев, пацифистов, вегетарианцев по всему миру, для отдельных личностей, вовлечённых в практики пассивного гражданского неповиновения и антигуманным законам, и насильственным действиям властей.

Но если его предшественники делали упор на практики общественного поведения и принцип справедливости, требовавший юридически узаконить права всех, то для Толстого важнее всего были субъективные и религиозные основания жизни каждого, в итоге способствующие всеобщему преобразованию и созданию христианского общества нового типа, основанного на принципах добровольности, свободы, любви и взаимного служения. Как бы Толстой не мечтал об идеальном сообществе, для него константным тезисом оставалась следование отдельного человека побуждениям сердца, совести и разума, тому, что он называл «силой или сознанием жизни». Именно этот аспект доминирует при соединении людей друг с другом, а не жажда социальной справедливости, экономическая борьба с неравенством или политическое стремление к новому типу союзов.

Список литературы

1. Stockham, A. B. Tolstoi: A Man of Peace / A. B. Stockham. – Chicago : Alice Stockham &C, 1900.
2. Бонсл, С. Толстой предрекает «падение Америки» / С. Бонсл // Иностранная литература. – Т. 8. – 1978. – С. 236-242.
3. Паррингтон, В. Л. Основные течения американской мысли : в 3-х т. / В. Л. Паррингтон ; перевод с английского В. Маликова. – Москва, 1962-1963. – Т. 2.
4. Алексеева, Г. В. Американские диалоги Льва Толстого / Г. В. Алексеева. – Тула, 2010. – 253 с.
5. Чернышевский, Н. Г. Что делать? / Н. Г. Чернышевский. – Москва, 1969. – 450 с.

6. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. I-XXX / Ф. М. Достоевский. – Ленинград, 1972-1990.
7. Лакшин, В. Я. Лев Толстой беседует с Америкой. Вступительная статья / В. Я. Лакшин // Иностранная литература. – Т. 8. – 1978. – С. 220-225.
8. Newton, W. W. Run through Russia: The story of a Visit to Count Tolstoi / W. W. Newton. – Hartford : The Student, 1894.
9. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в ХС / Л. Н. Толстой. – Москва, 1928-1958.
10. Гаррисон, У. Л. Гражданин мира / У. Л. Гаррисон // Международный толстовский альманах / составитель П. Сергиенко. – Москва, 1909. – С. 23-26.
11. Кислова, А. А. Религиозные коммуны в США (первая половина XIX в.) / А. А. Кислова // Религии мира. Религиозные коммуны в США (первая половина XIX в.) История и современность. Ежегодник. – Москва, 1982. – С. 206-226.
12. Орвин, Д. Т. Что такое добро по Толстому и сколь добродетельным надо быть / Д. Т. Орвин // Лев Толстой и мировая литература : материалы XI Международной научной конференции. – Музей-усадьба Льва Толстого «Ясная Поляна», 2021. – С. 19-38.
13. Арндт, Х. Некоторые вопросы моральной философии / Х. Арндт // Арндт Х. Ответственность и суждение (перевод с английского Д. Арансона и др.). – Москва, 2014. – С. 83-205.
14. Саликов, А. Н. Право на революцию. Разговор между профессором Карло Шмидом и философом Ханной Арндт (1965) (перевод, комментарий, публикация) / А. Н. Саликов // Социологическое обозрение. – Т. 15 (1). – 2016. – С. 56-74.

L.N. TOLSTOY ABOUT AMERICA

S.M. Klimova

HSE University, Moscow
e-mail: sklimova@hse.ru

The article presents the image of America in Russian literature and criticism of the XIX – early XX century. The central focus is on Tolstoy's position, which is sharply different from the cliched image of foe typical for Russian traditional binary optics. It makes extensive use of the method of cohesion, combining reality and its image, artistic principle and life itself into a single holistic vision. The article shows the development of Tolstoy's ties with the American public, the process of their mutual recognition. It is these contacts that make it possible to clarify Tolstoy's anarchist position as a practical Christianity, which is also characteristic of American humanists. Tolstoy and many progressives in America thought congenially. Garrison, Thoreau, Ballou and others embodied an ideal vision of life close to Tolstoy. It was not the forcible and automatic inclusion of everyone into the state, but voluntary and free unions for the sake of spiritual communication and practical service to God and the world. The article pays special attention to the American communes and communities that attracted Tolstoy's attention.

Keywords: Leo Tolstoy, American progressive thinkers, oppositional thinking, communes.